Голова обласної організації Національної спілки художників України І.Гресик розповіла, що для створення музею за допомогою істориків було опрацьовано дуже великий матеріал, художники вели роботу разом з консультантами. Адже головний задум історико-культурного комплексу "Запорозька Січ" – гармонійне поєднання специфіки всіх відомих Січей. А міський голова Запоріжжя Є.Карташов переконаний, що Запоріжжя необхідно включити до плану проведення в Україні Євро-2012. Адже нам, без сумніву, є що показати гостям!

Проблеми, з якими стикається Запорізький регіон, дуже часто бувають гострими і болючими, або приємними і все одно складними, та головне, щоб всі вони не приховувалися за дверима чиновників, а знаходили певне висвітлення в ЗМІ. Адже публічність у питаннях, які стосуються громади, не раз дозволяла вирішити найскладніші світові проблеми. Програма „Акцент" "Радіо Запоріжжя" неодноразово ставала майданчиком для дискусій із різних питань, а її автор, Г.Дубінін, брався розтлумачувати найскладніші і найзаплутаніші теми. Тож будемо сподіватися, що ця програма зробить свій внесок у розвиток Запорізького краю.

ЛІТЕРАТУРА

1. Карпенко В.О. Преса і незалежність України. Практика медіа-політики 1988-1998 рр. / Віталій Опанасович Карпенко. – К.: Інститут журналістики КНУ ім. Тараса Шевченка, Нора-Друк, 2003. – 350 с.
2. Коновалова О.В. Основы журналистики: учеб. пособие по соврем. практ. журналистике / Ольга Васильевна Коновалова. – М.: ИКЦ "МарТ", Ростов н/Д: Издательский центр МарТ, 2005. – 272 с. – (Серия «Филология и журналистика»).
3. Федина В.Я. І голос той, і ті слова / Василь Якович Федина. – Запоріжжя: Дніпровський металург, 2006. – 300 с.

УДК 821. 161. 1 Ш – 32. 09 – 055. 2

ЖЕНСТВЕННОСТЬ КАК ИНФАНТИЛЬНОСТЬ: ТИП «ЖЕНЩИНЫ-РЕБЕНКА» В ТВОРЧЕСТВЕ О. ШАПИР

Клименко Н.А., преподаватель

Запорожский государственный медицинский университет

В статье анализируется специфика изображения «женщины-ребенка» в творчестве О. Шапир, выясняется авторское отношение к данному женскому типу.

Ключевые слова: женская литература, стереотипы «традиционной женственности», тип «женщины-ребенка», авторская позиция, ирония.

Клименко Н.О. ЖІНОЧІСТЬ ЯК ІНФАНТИЛЬНІСТЬ: ТИП «ЖІНКИ-ДИТИНИ» У ТВОРЧОСТІ О. ШАПІР / Запорізький державний медичний університет, Україна.

У статті аналізується специфіка зображення «жінки-дитини» у творчості О. Шапір, з'ясовується авторське ставлення до цього жіночого типу.

Ключові слова: жіноча література, стереотипи «традиційної жіночості», тип «жінки-дитини», авторська позиція, іронія.

Klimenko N.O. FEMININITY AS INFANTILISM: «CHILDISH WOMAN» CHARACTER IN THE WORKS OF O. SHAPIR / Zaporizhzhya State Medical University, Ukraine.

The article specific features of «childish woman» image in works of O. Shapir. Author's attitude towards feminine character is defined.

Key words: female writing, stereotypes «traditional feminity», character of «childish woman», author's standpoint, irony.

Женское творчество является неотъемлемой частью русского литературного процесса. Однако только в последнее время оно стало предметом объективных и серьезных исследований. Благодаря обращению ученых к новым методам и методологиям, разрабатываемым в рамках современного научного дискурса (феминистская критика, гинокритика, гендерный подход), появилась возможность адекватной интерпретации женских текстов с учетом своеобразия женского опыта и специфики «женского письма».

С этой точки зрения особый интерес представляет литературное наследие О.А. Шапир (1850 – 1916) – одной из популярнейших писательниц второй половины XIX века, которая в своих произведениях

отразила «самоопределение русской женщины на протяжении почти полувека, типы, чаяния, настроения ее…» [1, 382].

Следует заметить, что, ни в дореволюционное, ни в советское время творчество О. Шапир не получило должной оценки. В конце XIX – начале XX вв. стереотипы официального канона не позволили критикам (к примеру, М. Протопопову [2], А. Скабичевскому [3], В. Чуйко [4] и др.) признать своеобразие творческой манеры писательницы, оценить ее весомый вклад в детальную разработку женской и семейной проблематики. В советском литературоведении рецепция творчества О. Шапир была сужена до двух ее романов «Одна из многих» (1879), «Антиподы» (1880) и рассказа «Кандидат Куратов» (1880), опубликованных в «Отечественных записках» (см. работы М. Пинаева [5], В. Смирнова [6], Э. Максимени [7] и др.). Исследователи [5-7] традиционно рассматривали указанные выше произведения в контексте литературной школы М.Е. Салтыкова-Щедрина. За О. Шапир закрепился статус писательницы-народницы, творчество которой полностью вписывается в «мужскую» литературную традицию.

На современном этапе представляют интерес работы Т. Анталовски *[8]* и И. Олеховой *[9]*, в которых предпринимаются попытки реинтерпретации и переоценки творчества писательницы. В частности, немецкая исследовательница Т. Анталовски одну из глав монографии «Русский женский роман (1890 – 1917)» посвящает изучению общественной деятельности О. Шапир и анализу ее романа «Любовь» (1896), оценивает писательницу как признанного автора и феминистку *[8, 56]*. Российский литературовед И. Олехова в исследовании «Беллетристика О.А. Шапир: особенности проблематики и поэтики» *[9]* основной целью определяет проблемно-тематический анализ творчества О. Шапир: выделяет в качестве доминирующих темы «женского рабства» и «жизненного банкротства», предпринимает попытку проследить эволюцию типа «новой героини», с гендерных позиций анализирует художественное пространство романов и повестей писательницы. Однако вне поля зрения исследовательницы остаются другие типы женских персонажей О. Шапир. И. Олехова не прослеживает изменение отношения женщины-автора к стереотипам «традиционной женственности», не учитывает специфику «женского письма» О. Шапир. Таким образом, в настоящее время исследование творчества писательницы носит эпизодический характер и является недостаточно полным. Актуальность обращения к литературному наследию О. Шапир объясняется необходимостью пересмотра литературной репутации женщины-автора, произведения которой дают широкое представление о психологии, образе жизни и мышлении русской женщины второй половины XIX века. Целью данной статьи является анализ специфики изображения типа «женщины-ребенка» в творчестве писательницы (с учетом соответствия/несоответствия традиционным представлениям о женственности), выяснение авторского отношения к данному женскому типу.

В большинстве произведений О. Шапир утверждается мысль о том, что бытование стереотипов «традиционной женственности», в комплекс которых входит представление о женщине как личности менее развитой по сравнению с мужчиной, личности, в которой наиболее ценными качествами являются детскость и наивность, поддерживается соответствующим воспитанием и образованием.

Проблема женского воспитания и образования, которая становится одной из ведущих в творчестве писательницы, является достаточно традиционной для русской литературы XIX века. В первой половине данного столетия А.С. Грибоедов, Н.В. Гоголь, В.Ф. Одоевский, А.В. Дружинин, С.П. Победоносцев, С.А. Закревская и др. писатели прибегают то к иронии (например, авторский комментарий по поводу пансионного воспитания жены Манилова в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя, образования Прасковьи Ивановны в повести «Милочка» С.П. Победоносцева и т.д.), то к сатире (уничижительные, полные насмешки реплики Чацкого по поводу воспитания девиц в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», образ княжны Мими в одноименной повести В.Ф. Одоевского и т.д.), изображая негативные последствия существующей системы женского воспитания и образования.

Во второй половине XIX века, в эпоху, проходящую под знаком широкого эмансипационного женского движения, проблемы женского воспитания и образования занимают особое место в творчестве Н.Г. Чернышевского, В.А. Слепцова, И.В. Омулевского и др. писателей, которые не столько критикуют традиционное женское воспитание, сколько показывают процесс перерождения и изменения женщины традиционного типа в героиню новой эпохи. В произведениях женщин-писательниц этого периода (Марко Вовчок, А.П. Сусловой, А.Я. Панаевой, Н.Д. Хвощинской, О.А. Шапир, В. Микулич (Л.И. Веселитской) и др.) глубокому художественному исследованию подвергается процесс влияния на воспитание и образование женщины стереотипов «традиционной женственности».

Уже в ранних произведениях О. Шапир («На пороге жизни» (1879), «На разных языках» (1879)) проводится мысль о том, что воспитание, которое дается молодой девушке в семье, образование, которое она получает в пансионе, гимназии, институте и т.д., совершенно не готовят ее к взрослой жизни. Более того, культивируя в юной особе «естественную чистоту и наивность», все еще не выходящие из моды, родные и так называемые «воспитатели» тем самым останавливают развитие девушки на уровне «прелестного ребенка», который «живет для облагораживания общества, а потому нуждается в охране от

чрезмерных умственных занятий» [10, 45]. Как отмечает исследовательница Э.А. Палюченко, такое представление о женщине господствовало в первой половине XIX века, однако, как мы убеждаемся на примере произведений О. Шапир, закрепленное силою стереотипов, оно не исчезает и в более позднее время.

Главная героиня рассказа «На пороге жизни» (1879), Милочка, воплощающая тип «женщины-ребенка», представлена глазами героя-мужчины: в начале произведения девушкой любуется учитель гимназии Алексей Егорович, который отмечает ее «миловидное, молочно-белое личико» [11, 5], «маленькие ушки» [11, 5], «золотистые, светло-карие глазки» [11, 5], придающие лицу Милочки «что-то лучезарное» [11, 5]. Позже героиня становится объектом любования и восхищения наставника Боева. Его привлекает в девушке, прежде всего, внешность: «прелестное личико» [11, 44], «изящная линия ее беленькой нежной шейки» [11, 44]. О. Шапир рисует стереотипный портрет «женщины-ребенка», инфантильность которой подчеркивается употреблением в портретной характеристике лексики с уменшительно-ласкательной коннотацией: «личико», «ушки», «глазки», «шейка», выражающей чувства восхищения и умиления героев по отношению к девушке подобного типа.

С позиции мужского персонажа подается и внешность другой героини – Ленички из повести «На разных языках» (1879), воплощающей тот же тип «женщины-ребенка». «Леничка была высокая, совсем светлая блондинка… Волнистые волосы блестящего золотого оттенка жгутом спускались низко на спину и особенно красиво росли у невысокого лба, образовавшего почти прямую линию с небольшим, безукоризненно изящным носом. Нежный, невинный ротик, замечательная яркость красок и мечтательный взгляд прозрачных глаз…» [12, 15], – такой видит Леничку художник Ранцев, избравший девушку в качестве модели для своей картины. Другой мужской персонаж повести, тоже художник, любуется «беленькими ручками» [12, 28], «детски закругленными щечками» [13, 31], «прелестным прозрачным румянцем» [13, 31] недавней институтки.

Как не трудно заметить, инфантильность героинь О. Шапир передается уже через портретные характеристики. Помимо этого, в уменьшительных именах довольно взрослых девушек (Милочке семнадцать лет, она закончила гимназию, а Леничка уже второй год как вышла из института, и если учесть, что в XIX веке минимальный возраст вступления в брак составлял для девушек 12 лет, то по меркам того времени они считались вполне созревшими для замужества и семейной жизни) также отражается стремление писательницы подчеркнуть их «детскость», «тепличность», даже некоторую неполноценность. Заметим, что традиция подобным образом маркировать инфантильность женских персонажей восходит к произведениям 30-40-х годов XIX века, в которых рассказываются истории провинциальных барышень, например Катеньки из одноименной повести Рахманного (Н. Веревкина) или Дунечки из повести с таким же названием П. Сумарокова, ставших жертвами соблазнителей, собственной неопытности и неразвитости. В этот ряд также становятся и другие героини с «детскими» именами, представляющие тип «женщины-ребенка»: Оленька О. Сенковского («Вся женская жизнь в нескольких часах» (1834)), Катенька Пыляева П. Кудрявцева («Катенька Пыляева, моя будущая жена» (1836)), Милочка С.Г. Победоносцева («Милочка» (1845)), Полинька Сакс А. Дружинина («Полинька Сакс» (1847)). Во второй половине XIX века черты типа «женщины-ребенка» замечаем и в Марфеньке И.А. Гончарова («Обрыв» (1869)), и в Оленьке Племянниковой А.П. Чехова («Душечка» (1898)). Инфантильные героини О. Шапир имеют много общего с ними (наивность, природность, чистота души, провинциальная простота, детская непосредственность).

Следует обратить внимание на то, что уменьшительные формы женских имен также были широко распространены и в женской ученической среде (пансионах, гимназиях, институтах), о чем знала и О. Шапир, обучавшаяся одно время в институте, а затем и в гимназии (см. об этом в статье ее современницы, Е. Чебышевой-Дмитриевой, «Ольга Андреевна Шапир. Ее жизнь и деятельность» [1, 379-380]). Имена Милочка и Леничка в произведениях писательницы не зря носят недавняя гимназистка и бывшая институтка. Обращение О. Шапир к подобным формам имен можно объяснить также ее стремлением выделить и подчеркнуть в героинях черты институтки как социокультурного (социально-психологического) женского типа, который возник во второй половине XVIII века, когда в 1764 г. Екатериной II было учреждено первое Воспитательное общество благородных девиц и, судя по женскому литературному творчеству (Марко Вовчок «Институтка» (1860), Н.Д. Хвощинская «Пансионерка» (1861), А.П. Суслова «До свадьбы» (1863), Л.А. Ожигина «Своим путем» (1869), Н.А. Лухманова «Институтка» (1905) и т.д.), а также по женской мемуаристике (С.Д. Хвощинская «Воспоминания институтской жизни» (1861), Е.Н. Водовозова «На заре жизни», В.П. Быкова «Записки старой смолянки (1833-1878)» (СПб., 1898), А.А. Комарова «Одна из многих: из записок нигилистки» (СПб., 1881), А. Лазарева «Воспоминания воспитанницы Патриотического института дореформенного времени» (1914) и т.д.) широко бытовал и во второй половине XIX века.

Как замечает историк А. Белоусов, институтка – это оригинальный женский тип, отличительными чертами которого можно считать восторженность, наивность, неопытность [14, 197]. Далее ученый акцентирует внимание на том, что обстоятельства жизни в закрытом учебном заведении не

способствовали развитию учениц, а, наоборот, замедляли его. Так, например, оглядываясь на период своей институтской жизни, Вера Фигнер жаловалась: «В смысле научного знания и в особенности умственного развития эти учебные годы не только дали очень мало, они задерживали мой духовный рост, не говоря уже о том вреде, который приносила неестественная изоляция от жизни и от людей» [15, 81].

Вследствие этой изоляции душевные переживания девушек, формы их выражения отличались детской обрядностью и экспрессивностью. В поведении Милочки также можно обнаружить черты, свойственные институтке, например, институтскую конфузливость (о негативных последствиях которой в своих мемуарах писала Е.Н. Водовозова [16, 396-401]). О. Шапир достаточно часто подчеркивает способность девушки краснеть и вспыхивать до слез: «…нерешительно, вся вспыхнув, ответила девушка» [11, 8], «прозрачный румянец разлился по щекам девушки» [11, 9], «девушка сконфузилась и тихонько, как ребенок, присела на свой стул» [11, 11], «Милочка покраснела и оглянулась на дом» [11, 20], «Милочка вспыхнула до слез, встала и сложила свою работу» [11, 32], «Она совсем смешалась и подняла на него влажные глаза» [11, 36]. Заметим, что описания, с помощью которых писательница пытается передать внутреннее состояние девушки, напоминают как банальные литературные штампы, так и те формы выражения чувств, которыми пользовались сами сентиментальные институтки.

В способности Милочки краснеть по самому ничтожному поводу О. Шапир, согласно логике образа, пытается выделить не столько младенческую неиспорченность девушки, сколько ее абсолютную неготовность к общению с людьми, полную неосведомленность относительно явлений и реалий повседневной «взрослой» жизни, отсутствие жизненного опыта. Наличие «детскости» в Милочке подчеркивается также следующей деталью, повторяющейся несколько раз на протяжении повествования: в состоянии сильного беспокойства девушка, подобно ребенку, измельчает хлеб на мелкие кусочки или катает хлебные мякиши.

Сознание Милочки лишено внутреннего роста, она не задумывается над возникающими в жизни проблемами (ссоры с матерью и ее болезнь, трагическая кончина наставника), а уходит от них в чтение, в повседневную суету, в обмороки, таким образом сохраняя за собой право вести себя в соответствии со стереотипным поведением женщины-ребенка.

Другой инфантильной героине О. Шапир, институтке Леничке, свойственно бурное выражение эмоций и чувств, резкая смена настроений, страсть к веселью, повышенная восторженность и эмоциональность. Описывая поведение женщины-ребенка, О. Шапир использует следующие фразы и формулировки, в которых проскальзывает авторская ирония по отношению к наивной институтке: «Леничка сделала удивленные глаза» [12, 17], «Леничка растерялась» [12, 17], «Леничка с неудовольствием попятилась» [12, 18], «Она стояла в виноватой позе и молча крутила кончик голубой ленты» [12, 18], «…чуть не плакала Леничка» [12, 18], «Леничка немного трусила» [12, 31], «Леничка взволновалась…» [12, 42], «Леничка надула свои розовые губки и не трогалась с места» [12, 47] и т.д. Писательница дает однозначную и недвусмысленную характеристику настроениям и чувствам Ленички. Использование с этой целью простых, чаще всего нераспространенных предложений призвано подчеркнуть простоту и незамысловатость поведения героини, ее внутреннего мира, открытого и понятного как у ребенка, роль которого иногда неосознанно, а иногда и сознательно играет девушка.

В манере поведения Ленички писательница также подчеркивает такую черту, как институтское обожание кузины, преклонение перед ее авторитетом. Вот что об этой особенности институток пишет Ю.М. Лотман: «Эта институтская манера состояла в том, что девочки должны были выбрать себе предмет любви и поклонения… На вопрос одной простодушной девочки (которая потом рассказала об этом в мемуарах), что значит «обожать», ей объяснили: надо выбрать «предмет» обожания и, когда «предмет» проходит мимо, шептать: «Восхитительная!», «Обожаемая!», «Ангел», писать это на книгах и т.д.» [17, 83]. Сравним с восклицаниями Ленички, обращенными к кузине: «…прелесть моя, ангел, божество!... говорила девушка, за каждым словом крепко целуя Валеру» [12, 22]. Мнение кузины является достаточно авторитетным для девушки. Подтверждением тому служит эпизод, когда Леничка соглашается позировать художнику в образе св. Цецелии только после ее одобрения.

Заметим, что сентиментальности, манерности в Леничке гораздо больше по сравнению с Милочкой. Леничка представлена писательницей как настоящая институтка, сохранившая все ужимки и манеры данного социально-психологического типа. Рисуя этот образ, О. Шапир стремится лишний раз подчеркнуть несоответствие институтского воспитания запросам реальной жизни, его устарелость и закостенелость. Ранее те же проблемы подымала и А.П. Суслова в рассказе «До свадьбы» (1863), когда устами своей героини жаловалась на бессмысленное, оторванное от жизни воспитание и преподавание в женском пансионе: «Наши наставницы нисколько не готовили нас к действительной жизни. Напротив, все желание их сводилось на то, чтоб затмить всякое представление о ней, как о чем-то грязном; главною их задачею было остановить развитие на степени непонимания самых простых человеческих отношений, и они довольно успевали в этом» [18, 382].

Милочка изображена писательницей как бывшая гимназистка, то есть барышня, обучавшаяся в более современном и демократичном женском учебном заведении, чем институт благородных девиц (сама О. Шапир приложила немало усилий к тому, чтобы перевестись из института в гимназию, которую закончила с золотой медалью (1863-1865). По свидетельству Е. Чебышевой-Дмитриевой, институтский режим угнетающе действовал на будущую писательницу, проплакавшую весь недолгий период обучения в институте и нажившую глазную болезнь [1, 379]). Милочка более образованна, чем Леничка, правда круг ее чтения составляют в основном драмы Шиллера и романы Ч. Диккенса. Позже к ним добавляется роман И.С. Тургенева «Накануне», однако девушка читает его вместе с наставником, который придерживается традиционных взглядов относительно предназначения женщины, потому акцентирует внимание Милочки на жестокости Елены Стаховой, бросившей родителей и не выполнившей дочерних обязанностей по отношению к ним. О читательских пристрастиях Ленички нам ничего неизвестно. Она предстает перед нами как неиспорченное цивилизацией дитя природы: несколько наивное, глуповатое, однако непосредственное и искреннее, за которым мы наблюдаем со стороны: через восприятие повествователя или глазами других персонажей (мужчин, кузины Валерии, маменьки). Этот образ выполнен О. Шапир в полемике с Ж.-Ж. Руссо, канонизировавшем в главной героине романа «Новая Элоиза», Юлии, такие качества женского характера как кротость, несамостоятельность, послушание, стыдливость.

Писательница не дает нам никакого представления о внутреннем мире Ленички. Милочка, портретные характеристики которой лишены психологической наполненности, также изображается с внешней стороны. На протяжении всего повествования образы героинь не претерпевают никаких изменений. В рассказе «На пороге жизни» О. Шапир подчеркивает, что мать сознательно стремится остановить развитие дочери на уровне ребенка, поэтому и ведет себя с ней соответствующим образом: делает замечания при посторонних, одергивает, упрекает в отсутствии приличий, диктует и навязывает свою волю. Повествователь с иронией замечает, что даже комната семнадцатилетней барышни похожа на детскую*:* «…небольшая, узкая комнатка с железной кроватью, легкой мебелью, … походила скорее на детскую, чем на комнату семнадцатилетней девушки» [11, 7]. Как «интересного ребенка» [12, 15] воспринимают и бывшую институтку Леничку не только посторонние, но и собственная мать, которая считает главными качествами дочери ее младенческую непорочность и послушание. Девушка ничего не решает сама. По каждому незначительному вопросу она обращается или к матери, или к кузине: «Я не могу решить этого одна… ответила она, вспыхивая. Я спрошу маму, Валеру…» [12, 18].

Леничка обо всем судит поверхностно и одинаково восхищается как нарядами, так и природой, людьми. Повествователь не без иронии замечает, что «она ничего не понимала в живописи, поэтому судила о картинах по их размерам» [12, 31]. Что касается музыки, то с ней она в таких же «отношениях»: «Леничка играла, как большинство институток – посредственно и бестолково» [13, 32]. Присутствующие не столько слушают музыку, сколько любуются милой исполнительницей: «Вадим облокотился на рояль и следил как она равномерно опускала и потом разом вскидывала свои пушистые, темные ресницы» [13, 32]. Так же, не мудрствуя лукаво, Леничка относится и к любви, видя героем своего романа легкомысленного и увлекающегося художника Шардина: «Вадим очень нравился Леничке, нравился настолько, что, дай она себе немножко воли, он наверное сделался бы героем ее первого романа. В нем было так много жизни и блеска!» [12, 40]. Как видим, прибегая к форме несобственно-прямой речи, писательница сохраняет экспрессивность и эмоциональную насыщенность речи героини. Эти характеристики являются одной из отличительных особенностей образа институтки в русской литературе.

Моделирование любовного конфликта, в котором проявляется отношение героинь к любви, наличие или отсутствие способности / готовности испытывать это чувство позволяет О. Шапир окончательно дискредитировать систему женского воспитания своего времени, совершенно не способствующую «росту» девичьей души, духовному развитию девушек, а продолжающую консервировать нормы и традиции дамского «модного» поведения.

Милочка, «знающая страсть только по романам» [11, 74], что не единожды подчеркивается писательницей, не пытается проникнуть в сложные взаимоотношения матери и наставника, поэтому, польщенная его вниманием, не раздумывая отвечает на его страстное чувство. Она не подозревает о том, что причиняет сильную боль своей матери, которую связывает с этим человеком давняя любовь. Герой же, устав от длительной связи с Софьей Михайловной, буквально окутывает своей страстью юную, неопытную, ни о чем не подозревающую девушку. Узнав от нянюшки, что причиной тяжелой болезни матери стало чувство Боева к ней, Милочке, девушка, не долго думая, пишет ему письмо и с легкостью раз и навсегда отказывается от сделанного им предложения руки и сердца. В концовке рассказа писательница прибегает к мелодраматическому эффекту: не выдержав отказа, герой сходит с ума и заканчивает жизнь самоубийством. Как видим, отсутствие ума, которое привлекало героя к Милочке, ее детскость, неопытность и инфантильность сыграли в его судьбе роковую роль, способствовали неожиданному трагическому исходу. И если в начале произведения подчеркивалось восторженное отношение Боева к «детскому» поведению и выходкам Милочки, то ближе к финалу, накануне рокового

происшествия, читая письмо девушки, в котором содержится отказ, герой, по замечанию повествователя, страдая, с «болезненной усмешкой» смотрит на «эти наивные слова, на детски безмятежный, ровный почерк» [12, 75], свидетельствующие об отсутствии какого бы то ни было душевного смятения или волнения, которые должны были проявиться при наличии глубокого чувства. На примере короткого любовного опыта Милочки О. Шапир показывает, что женщина-ребенок не способна на глубокое серьезное чувство, от чего страдает не столько она сама, сколько влюбленный в нее.

Над подобной проблемой, как превратить женщину-ребенка в глубоко чувствующую и думающую женщину, мучился и Константин Сакс, герой повести А.В. Дружинина «Полинька Сакс». Его отношение к жене, воплощающей тип «женщины-ребенка», также было противоречивым: с одной стороны он восхищался ее детскостью, наивностью и искренностью, а с другой – мучился ее неразвитостью, необразованностью и жестоко пострадал от ее неопытности. Однако в отличие от Милочки и Ленички, которые так и остаются «детьми», Полинька Сакс в финале повести превращается в женщину, и тем самым реализуется мужской миф о том, что силою влияния одной мужской личности можно противостоять свету, обществу, другим социальным институтам и изменить женщину. В произведениях О. Шапир такой поворот событий не представляется возможным.

Простоватая Леничка, внешним обликом (кругленькие розовые щеки, длинные светло-русые волосы, полнота и развитость), некоторыми чертами характера (веселостью, жизненностью, соединенных с кротостью и послушанием, отсутствием собственных суждений, понятий и мнений, наивностью и добротой), воспитанием в духе патриархальных обычаев, любовью к природе и животным напоминающая Марфеньку И.А. Гончарова, смотрит на любовь просто и незамысловато. Именно поэтому ее берет в жены художник Шардин, не способный дорасти нравственно до серьезной и требовательной любви «новой женщины» Валерии. Леничка с институтской наивностью принимает его ухаживания, чем косвенно способствует возникновению глубокой душевной депрессии своей обожаемой Валерии, которая, не в силах пережить измену возлюбленного, заболевает и, впоследствии, умирает.

Как показывает О. Шапир, женщины подобного типа не способны страдать и предаваться душевной тревоге, поэтому в конце повести мы наблюдаем мещанское счастье двоих. Однако утверждающий пафос данного финала сводит на «нет» одно-единственное замечание, оброненное как бы ненароком повествователем: «Леничка была миллионным изданием влюбленной невесты» [13, 55]. Достигаемое с помощью иронии намеренное снижение образа позволяет говорить об обнаружении авторской позиции в тексте, свидетельствующей о неприятии писательницей героинь подобного типа, которые, как правило, идеализировались в мужском литературном дискурсе (прежде всего, вновь назовем Марфеньку И.А. Гончарова, образ которой очень поэтичен).

Заметим, что традиция О. Шапир иронически изображать женщину-ребенка будет продолжена и в творчестве других писательниц. Так, Милочку и Леничку, поверхностно развитых и малообразованных, не имеющих своего мнения, выступающих всего лишь объектом мужской страсти, можно считать предтечей Мимочки, главной героини трилогии В. Микулич (Л. Веселитской) «Мимочка-невеста», «Мимочка на водах», «Мимочка отравилась», публиковавшейся с 1883 по 1893 годы в «Вестнике Европы».

Таким образом, в рассказе «На пороге жизни» и повести «На разных языках» О. Шапир рисует образы совсем юных девушек, только что покинувших гимназическую/институтскую скамью, воплощающих тип «женщины-ребенка». Милочка («На пороге жизни») и Леничка («На разных языках»), подобно Марфеньке И.А. Гончарова («Обрыв») милы, по-детски невинны, покладисты и послушны, предназначены для спокойной и благополучной семейной жизни. Однако, если Марфенька является воплощением «положительной» евангельской детскости, как особого ментального типа, как свойства ума, которые пронизаны одухотворенностью (подобная духовная детскость будет актуализирована и в образе Сонечке Мармеладовой Ф.М. Достоевского), то Милочка и Леничка О. Шапир наделены так называемой «отрицательной» детскостью – инфантильностью, свидетельствующей о незрелости ума, эмоционально-волевой сферы, что выражается в несамостоятельности решений и действий, в отсутствии критичности в оценке своих и чужих поступков. Тип «женщины-ребенка», представленный героинями писателей-классиков, является воплощением их нравственного идеала, у О. Шапир же ее героини, не имеющие собственного мнения, без высоких притязаний на сложную духовную жизнь, вызывают жалость и недоумение, которые прочитываются в авторских комментариях, пронизанных сочувственно-иронической интонацией. Добавим, что в творчестве писательницы через сближение женственности с инфантильностью, вследствие использования иронии, тип «женщины-ребенка» дискредитируется, подвергается деидеализации. Это позволяет О. Шапир обнаружить авторскую позицию и вступить в диалог-полемику с авторами-мужчинами по поводу бытующего в современном ей обществе стереотипа, согласно которому, женщина – это прелестное дитя, призванное радовать и умилять мир своей наивностью и неопытностью.

По сути дела, образы своих героинь писательница выстраивает относительно существующих гендерных стереотипов, более того, гендерные нормы в названных произведениях связываются с проблемой

воспитания женской личности. О. Шапир показывает, что они сковывают и не дают свободно развиваться индивидуальности девушек. В конечном счете, это приводит к необдуманным поступкам, последствия которых они не в силах ни предугадать, ни предотвратить. Помещая своих героев и героинь в сюжетные ситуации, заканчивающиеся для них или для их любимых трагически, О. Шапир тем самым обвиняет двоих в произошедшей драме, выступает против сложившийся системы взаимоотношений мужчины и женщины, против традиционного воспитания, в результате которого в женщине «намеренно культивируются пороки и привлекательные слабости», но требуются от нее одни «добродетели» [19, 897].

Изображая героинь такого типа в несколько ироническом ключе, О. Шапир, по нашему мнению, продолжает соответствующую традицию русских писателей первой половины XIX века. Однако в ее творчестве по отношению к данному типу звучат не уничижительные нотки, не открытая и явная сатира, а сочувственно-ироническая интонация, свидетельствующая о том, что писательница осознает силу влияния стереотипов патриархатного общества и понимает, что ее оппонентом при таких обстоятельствах «выступают не отдельные закостенелые стандарты женского поведения, а общепринятая мораль…» [20, 114], с которой не в силах справиться не только юная и неопытная героиня, но, пока и сама писательница, поскольку на данный момент в ее творчестве еще не сформирован идеал женской личности.

Основательное и плодотворное изучение русской женской литературы продолжается. Подход к художественному произведению как к зеркалу гендерных конструкций, отражающему идеальные представления общества и динамику культурных традиций (смена одних видов социокультурных стереотипов/типов и образований другими), позволяет реинтерпретировать женские тексты, сделать акцент на изучении типологии женских характеров, рассмотрении их эволюции в развитии литературы. Последнее дает возможность воссоздать историю меняющейся женской жизни, меняющегося женского облика, проанализировать художественную историю развития женского сознания, что и является ближайшей задачей исследователей женского литературного творчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чебышева-Дмитриева Е. Ольга Андреевна Шапир. Ее жизнь и деятельность / Е. Чебышева-Дмитриева // Вестник Европы. – 1916. – № 10. – С. 375–396.
2. Протопопов М. Женское творчество / М. Протопопов // Русская мысль. – 1891. – № 1. – С. 98 – 112; № 2. – С. 161 – 181; № 4. – С. 123 – 141.
3. Скабичевский А. История новейшей русской литературы. 1848 – 1892 гг. / А. Скабичевский. – СПб. : Издание Ф. Павленкова, 1893. – 490 с.
4. Чуйко В. Современные женщины-писательницы / В. Чуйко // Наблюдатель. – 1889. – № 4. – С. 23 – 50.
5. Пинаев М. Т. Наследие Н.Г. Чернышевского и демократическая литература 60-80-х годов / М. Т. Пинаев // Ученые записки Волгоградского педагогического института им. А.С. Серафимовича : сб. науч. ст. – Волгоград, 1968. – С. 195–383.
6. Смирнов В. Б. На рубеже десятилетий. Русская литература в период второй революционной ситуации / В. Б. Смирнов. – Саратов : Издательство Саратовского университета, 1982. – 148 с.
7. Максименя Э. А. М.Е. Салтыков-Щедрин и молодые писатели-демократы С.И. Смирнова и О.А. Шапир в 1870-1880-е г. (К истории становления литературной школы) : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.01.01 «Русская литература» / Э. А. Максименя. – М., 1985. – 16 с.
8. Antalovsky T. Der russische frauenroman (1890 – 1917) / T. Antalovsky. – München : Verlag OTTO SAGNEK, 1987. – 204 s.
9. Олехова И. П. Беллетристика О.А.Шапир: особенности проблематики и поэтики : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.01.01 «Русская литература» / И. П. Олехова. – Тверь, 2005. – 22 с.
10. Павлюченко Э. А. Женщины в русском освободительном движении: от Марии Волконской до Веры Фигнер / Э. А. Павлюченко. – М. : Мысль, 1988. – 269, [2] с., [8] л. ил.
11. Шапир О. На пороге жизни / О. Шапир // Книжки «Недели». – 1879. – № 1. – С. 1–86.
12. Шапир О. А. На разных языках. Часть I / О. Шапир // Слово. – 1879. – № 7. – С. 1 – 56.
13. Шапир О. А. На разных языках. Часть II / О. Шапир // Слово. – 1879. – № 8. – С. 1–56.

14. Белоусов И. «О воспитании благородных девиц в Санкт-Петербурге...» / И. Белоусов // Отечественные записки. – 2004. – № 3. – С. 196–203.

15. Фигнер В. Запечатленный труд : в 2 т. / Вера Фигнер. – М. : Мысль, 1964. – . – Т. 1. – 1964. – 439 с.

16. Водовозова Е. Н. На заре жизни : в 2 т. / Е. Н. Водовозова. – М. : Художественная литература, 1987. – . –Т.1. – 1987. – 511 с.

17. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начала XIX века) / Ю. М. Лотман. – СПБ. : Искусство-Спб, 1999. – 413 с.

18. Суслова А. П. До свадьбы (из дневника одной девушки) / А. П. Суслова // «Сердца чуткого прозрением…»: повести и рассказы русских писательниц XIX в. ; [сост., авт. вступ. ст. и примеч. Н. И. Якушин]. – М., 1991. – С. 376–405.

19. Шапир О. Идеалы будущего / О. Шапир // Труды Первого Всероссийского женского съезда при русском женском обществе в Санкт-Петербурге (10-16 декабря 1908 г., Санкт-Петербург). – СПБ., 1909. – С. 895–898.

20. Тарланов В. З. Женская литература в России рубежа веков / В. З. Тарланов // Русская литература. – 1999. – № 1. – С. 134–144.

УДК 070.43/.44 (477.64)

РЕПРЕЗЕНТАЦІЯ АФЕРЕНТНОЇ ФУНКЦІЇ ТЕКСТІВ НА ШПАЛЬТАХ ЗАПОРІЗЬКОЇ ПЕРІОДИКИ

Кондрико А.А., асистент

Запорізький національний університет

У статті простежується залежність реалізації аферентної функції журналістських текстів періодичних друкованих видань Запорізького регіону від їх форми власності.

Ключові слова: інформація, текст, функція, аферентність, засіб реалізації.

Кондрыко А.А. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АФФЕРЕНТНОЙ ФУНКЦИИ ТЕКСТОВ НА СТРАНИЦАХ ЗАПОРОЖСКОЙ ПЕРИОДИКИ / Запорожский национальный университет, Украина

В статье прослеживается зависимость реализации афферентной функции журналистских текстов периодических печатных изданий Запорожского региона от их формы собственности.

Ключевые слова: информация, текст, функция, аферентность, способ реализации.

Kondruko A.A. THE REPREZANTATION OF THE APPLICATION FUNCTIONS IN ZAPOROZHZHYA PERIODICALS / Zaporizhzhya national university, Ukraine

The article proves that the application functions of periodical journalistic texts of the Zaporozhzhya region depend on their pattern of ownership is traced.

Key words: information, text, function, application, way of realisation.

На сьогодні існує багато досліджень, об’єктом яких виступають функції текстів періодичної преси, зокрема праці відомих журналістикознавців М.Феллера [7] та В.Різуна [5], теоретиків Г.Мельник та А.Тепляшиної [4]. Однак малодослідженою є сфера їх використання на теренах запорізьких друкованих ЗМІ.

Метою нашого дослідження є з’ясування ступеня залежності реалізації засобів аферентної функції журналістського тексту від форми власності видань у Запорізькому регіоні.

Аферентну функцію реалізують журналістські матеріали так званого інформаційного характеру, основне завдання яких – дати читачеві інформацію, яку він використає для прийняття певних рішень у межах задоволення власних або суспільних потреб.

Структури текстів, що покликані виконувати цю функцію, часто позбавлені спеціальних засобів контактної функції, оскільки читач у будь-якому випадку прочитає матеріал за умови його корисності для нього. Але з іншого боку, видання все-таки має спрямовувати увагу читача до такої інформації за допомогою спеціальних рубрик і заголовків або, якщо обсяг дозволяє, навіть подавати такі тексти на відповідних тематичних сторінках.

На доведення зазначеної думки нами проаналізовано функціональне спрямування текстів одного номера видань різної форми власності: газети Запорізької обласної ради «Запорізька правда» [2], комерційного